

Коронавирус может поставить на паузу весь мир, но – не поэзию. Если бы не эпидемия бубонной чумы, то мы бы остались без «Декамерона» Джованни Бокаччо, а «Евгений Онегин» появился только благодаря эпидемии холеры, из-за которой «наше всё», Александр Пушкин, оказался заперт в селе Болдино.

С таким оптимистическим настроем начинаю весенний обзор поэтических публикаций в литературных журналах. И, поскольку коронавирус пытается разъединить русскоязычных поэтов, живущих в разных уголках земли, на этот раз в традиционном обзоре «Эмигрантской лиры» мы расскажем о публикациях не только поэтов диаспоры, но и поэтов из России.

Итак, поехали.

В мартовском номере (номер 02 (183), 2020) журнала «**Дети Ра**» – большая подборка стихов, увы, уже ушедшего из жизни *Александра Петрушкина*. Стихи Петрушкина похожи на туго закрученную сюрреалистическую спираль, где каждый виток словно бы уводит смысл в сторону, но на самом деле – раскрывает вещи с другой, «изнаночной» стороны. И тогда сквозь шероховатую фактуру текста и изломы синтаксиса беспрепятственно проходит свет.

* * *

Все полость или свет
от мрака отраженный,
который прячет вещь
внутри своих потемок,

где крутит погремущку
ладошкой обожженной –
и смотрит в щель ее
утраченный ребенок.

Перебирает ночь –
агу тебе, пернатый,
висим меж голосов
и часовых поддатых.

Натянешь тишину –
молчание пробудишь
и воздух разомнешь,
которым вскоре будешь.

Лети, лети, снежок –
неси меж позвонками
своими мой ожог
собаками, звонками.

В свежем номере «Дети Ра» (номер 03 (184), 2020) также представлена поэзия *Евгении Джен Барановой*. Стихи Евгении естественны, как дыхание, и существуют согласно своей внутренней логике. Это мир, где всё живущее хрупко и невозвратно, а смерть – совсем рядом, буквально на расстоянии руки.

* * *

Ажурного дня собирается пена
у леса Верлена, у поля Верлена,
у синей избушки в седых камышах.
А ты не умеешь землицей шуршать.

А ты не умеешь похрустывать сердцем.
Не тронь колокольцы, им видится Герцен.
Они научились звонить ни о ком,
как будто в небесный стучатся райком.

Все пенится, мнится, кряхтит, остается
синицей во рту, журавлем у колодца,
а ты посторонним киваешь во мгле.
Какие все мертвые, милый Верлен.

Стихотворение *Сергея Ивкина*, также опубликованное в журнале «Дети Ра», говорит нам о прекрасном и одновременно – смертельном. Это ужас красоты, по сравнению с которым человек просто «Я – пена, я – пепел, я – грязь». Вот в комнату влетает шаровая молния (или молния – лишь внешняя форма для непостижимого?), и человеческое бытие, такое привычное и вещное, отчаянно цепляющееся за холодную стену и край скатерти, ничто по сравнению с ней. Этот медленный свет несёт смерть, но столкновение с ним дарит странное, удивительное счастье.

* * *

Светящийся шар заплывает в окно.
И в комнате нечем дышать.

Корее всего это видел в кино.
Светящийся медленный шар.
Я знал, это смерть. Я сжимал кулаки,
так проще исчезнуть в стене.
Я видел висевшей гитары колки.

А шар приближался ко мне.
На скатерти вышит ромашками край,
на стуле оставлена шаль.
Стена за спиной холодна и мокра.
По комнате плавает шар.
Нет голоса, времени, воздуха, нет
спасения. Не шевелясь,
есть шанс пропустить этот медленный свет.

Я – пена, я – пепел, я – грязь.
Иди, Совершенство! Не благословляй.
Оставь мне мою маету.
Я – гнида, я – трутень, я – шершень, я – тля
с прикушенным счастьем во рту.

Заслуживает внимания и подборка *Ольги Аникиной*, опубликованная в журнале «Волга» (номер 3, 2020). Стихи Аникиной отличает тонкое чувство языка и, хотелось бы написать, – сдержанность, но нет – выверенность и точность каждого написанного слова. Подборка не зря называется «Дролери»: маргинальные сюжеты Средневековья, будучи перенесены в современный контекст, звучат невероятно актуально. Заяц уже не кровожадный зверь со страниц средневековых манускриптов, а перепуганный городской житель, живущий между «волком и совой», между петлёй и автозаком.

1. ЗАЯЦ

Прячется в густой толпе людской
незаметный заяц городской.
Это он мелькает вдалеке
в сереньком своём пуховике.

А вокруг охотники и львы,
волки из Тамбова и Москвы,
а сверху сипуха и орлан,
а внизу петля или капкан,

А за поворотом манияк,
полисмен, дубинка, автозак.
Ты на них, мой милый, не смотри:
это лишь картинки, дролери.

Помнишь ли, как тех, кто был не мил,
ты на части топором рубил?
Помнишь ли, как с волком и с сычом
ты сражался заячьим мечом,

А сейчас наушники в ушах
и лицо, закутанное в шарф,
и в вагоне ты сидишь молчком,
лишь глазищи над воротником.

Стихи *Марии Галиной* опубликованные в журнале «Волга» (номер 5, 2020), похожи на маленькие космооперы, нечто в духе «Соляриса» Станислава Лема, где разница между людьми и «существами со звёзд» нивелируется, сходит на нет, где любовь и смерть поставлены на конвейер, где «Наши партнёры ходят почти как люди / Неотличимы на ощупь от настоящих» (стихотворение «Делается в Китае»), но всё же в этом есть «жалость и нежность». И малинник (стихотворение «Малинник»), растущий за домом, встречает своих поседевших детей.

СЕВЕР

Я была на краю земли
Я видела такие места,
Где из глаз местных жителей выглядывает пустота,
Говорил со мной
Человек, который гонялся с топором за своей женой
Не потому, что она была ему неверна,
А потому, что это была не она. Того, кто прост,
Проще подменить существам со звезд.
Бетельгейзе, Сириус, Прочион
Ей отмеряют суточный рацион.
По ночам над пустыми селами стоит свет,
Сириус, как слышишь, прием, прием,
Он храпит, отвернувшись лицом к стене,
Она передает:
Отзовите десантные катера
Эта земля убивает даже своих...
На деревьях лопаются кора,
Бляшка луны в крестовине окна стоит,
На пригорке подле пустой избы
Мертвецы стоят, как вкопанные столбы.
Применительно к паре Земля-Луна
Из всех разведчиков выжила я одна...
Она не владеет тонким искусством сна.
Она осторожно пристраивается на краю,
Поправляет расползшееся лицо,

Слышит, как он бормочет – сука, убью...
Весть уносится в небо косым лучом,
В направленье созвездия Близнецов.
Кто-то тяжелый ворочается за стеной.
Она трясет его за плечо:
– Мне страшно. Поговори со мной.

Подборка *Елены Пудовкиной*, опубликованная в журнале «Звезда» (номер 3, 2020), составлена из цикла «Семейные истории» и посвящена близким, пережившим сталинские репрессии. Пританцовывающий ритм первого стихотворения из подборки делает и без того страшную историю ещё страшнее (Тех кругов, что она прошла, / Дант не ведал). Сможет ли человеческая сила духа выстоять против века-волкодава? Мне кажется, да, ведь пережившего ад уже ничем не испугать.

*Памяти моей бабушки Нины Аркадьевны Бухариной
(Черняк-Тубянской)*

«Высший дар – нерожденным быть»¹.
Кто рожден, тот уже наказан,
И страданием искупить
Появленье свое обязан.
То-то бабушка весела
В годы старости пребывала –
Тех кругов, что она прошла,
Дант не ведал и тех подвалов
не видал. Никакой воде
не отмыть от души и тела
знак зловещий «НКВД»,
как не вычеркнуть страх из «Дела».
Десять лет лагерей. Потом
Ничего ее не страшило,
И над бездной, прикрытой льдом,
пританцовывая, ходила.

Стихи *Татьяны Вольтской*, опубликованные в журнале «Знамя» (номер 3, 2020) – классика в лучшем понимании этого слова. Лирический герой живёт в тревоге, с вечным предощущением трагедии, «среди будущей чумы». Когда жизнь непредсказуема, а мир катастрофичен и сулит только новые беды, что ещё даётся человеку в утешение, кроме любви и нежности.

* * *

¹ Софокл. «Эдип в Колоне» (любимая бабушкина поговорка).

Как же вышло так нелепо –
Повернулась жизнь кругом –
К керосинке, к пайке хлеба,
К еле видной лунке неба
С мокрым звёздным поплавком.

Крутанулась и вернулась –
В паспорте лиловый штамп,
А свобода ваша – дурость:
Вновь – петля пеньковых улиц,
Вновь – голодный Мандельштам.

И бояре кличут к бою,
Как наелись белены,
Слышишь флейты и гобои?
Только мы, дружок, с тобою
Всё пьяны и влюблены.

Что нам злоба, что нам ярость,
Чьи-то бредни и чины,
Что нам юность, что нам старость, –
Только нежность нам осталась
Среди будущей чумы.

Свет вечерний скуп и редок
Над заснеженной стернёй.
Только ёлки напоследок
Чёрные знамёна веток
Наклоняют над страной.

В лирике *Светланы Кековой*, опубликованной в журнале «Знамя» (номер 5, 2020), легко соединяется небесное и земное, возвышенное и бытовое. Лирический герой близок к онтологическому пониманию, но в итоге, бытие остаётся непознанным, и растерянный имярек остаётся один на один с миром, исполненным гармонии и печали.

*В чертогах парка городского
Это тоже образ мирозданья...*
Н. Заболоцкий

1. ВЯЗ

Саратов. Лето. Ветрено и жарко.
Вяз – как из рая изгнанный Адам.
Он мир постиг от чёрных дыр до кварка –
и здесь, в чертогах городского парка,
в его ветвях гнездится птичий гам.

Здесь, в этом парке, мы понять могли бы,
зачем он, бедный, очутился тут,
зачем на небе тучи, словно глыбы,
зачем в прудах серебряные рыбы
как вестники бессмертия плывут.

Интересно и стихотворение *Ксении Толоконниковой*, представленное в журнале «**Знамя**» (номер 5, 2020) в котором живое практически синонимично боли, а живущий вместе со всеми заперт в строю страдания. Эти стихи пронизаны чистым стоицизмом и принятием реальности, где всё, что остается – это пить супрастин и блюсти режим.

Отложи свой нож, доктор Айболит.
Расскажи мне, ёж, что в тебе болит.
Что за требуха? Что за чепуха?
Все мы тут живём с дырками в боках.
Все мы тут живём ходим и свистим.
Так что мажем-пьём йод и супрастин,
моем лапы до, после чистим пасть.
лижем валидол и ложимся спать.
Так что не гундим и блюдём режим.
Ты тут не один, иже еле жив.

В июньском номере «**Знамени**» (номер 6, 2020) опубликована замечательная подборка *Кати Капович*. Каждое стихотворение в ней похоже на фотографию, где вспышка выхватывает страшную повседневность, реальность, напоминающую сумрачный Аид, в котором, впрочем, сквозь отвращение и боль всё же прорастает любовь. И, конечно же, как не вспомнить в конце хрестоматийное: «Я Родину люблю свою / Но государство – ненавижу!».

* * *

Помню месяц в глухой кишинёвской больнице,
след от швабры на грязном, холодном полу,
заржавевшие старые иглы на шприце,
пациентов круженье на грустном балу.
Гиппократову клятву дававший невролог,
молодой терапевт потерявших душ,
санитарок облапав в кривых коридорах,
там пропишет контрастный мучительный душ.
А проклятые стены и низки, и склизки,
пахнут плесенью, кровью, блевотой, мочой.
Отпирайся, мычи, пей холодные брызги,
выговаривай, в кафель стучи головой.

Память всё возвращает – особенно волю,
заточённую в эти худые места,
там, где койки, как лодки, стоят на приколе
накануне рассвета всегда в два ряда.
И чем хуже, тем больше росло в час рассвета
вместе с полным отчаяньем, впитанным в кровь, –
там моё отвращенье к империи этой,
там моя к горемычной отчизне любовь.

Лирика *Владимира Гандельсмана*, которую можно прочесть в новом номере журнала «**Интерпоэзия**» (номер 1, 2020), проистекает из детства, из самого первого впечатления от мира, к которому можно припасть, как к источнику. Речь поэта свободна и пластична, верна традиционным принципам и в то же время оригинальна, поскольку не поэт ведёт речь, но речь ведёт поэта, верного своему чутью. Это прекрасные стихи.

* * *

Мать за руку со мной, и вечер чудный
в пятидесятом, господи, году
напомнил этот пригород безлюдный.
Прости, к простому слову припаду.

Взять осторожно снега на лопатку
или упасть, от боли голоса...
Я засмотрюсь на детскую площадку,
как кинозал, смеркающуюся.

Боль и обида в рост пойдут, не удаль,
но это, как в бинокле, далеко,
вот бегают дворовый мальчик, трудно ль
быть гением и так любить легко,

озвучив зимний день свободной речью?
А вот и мать – казенному отбой! –
за ним пришла, он ей бежит навстречу.
Не плачь, не плачь, придет и за тобой.

Следующим хотелось бы упомянуть верлибр *Екатерины Симоновой*, также напечатанный в «**Интерпоэзии**», который, как мне кажется, не в последнюю очередь о понимании в широком смысле этого слова. Человек осмысливает мир сквозь язык, просеивает своё бытие сквозь набор фонем. Есть ли отличие в том, чтобы дышать, развешивать белье, покупать молоко и выполнять иные бытовые вещи по-русски или по-немецки? Можно ли вообще жить по-русски? Но есть некая надежда

в том, что любовь говорит на универсальном языке, понятном каждому, и существует «когда тебе не причиняют боли, когда ты сам не причиняешь боли».

Я ДУМАЮ ТОЛЬКО ПО-РУССКИ

Вечером нужно будет купить баранок к чаю:
поджаристых, ванильных, не совсем свежих –
совсем свежие продаются только в двух магазинах в Тагиле.
Сами понимаете, «поджаристые», «ванильные», «не совсем свежие» –
все это я думаю только по-русски,
по-другому совсем не умею.

Одна моя подруга переехала жить в Германию.
Через пару лет писала, что теперь
даже думает иногда по-немецки,
и это очень странно.
Я пыталась представить, как это: думать не «нужно купить молоко»,
а «müssen kaufen Milch», но не смогла.
До сих пор не знаю, как правильно это произнести.

Сегодня утром читала интервью с Линор Горалик.
Прочитала, что о бытовых вещах
она думает на английском, пишет
иногда на иврите, потом вдруг на русском,
сама не может понять, как это все устроено.

В этот раз я уже даже не пыталась понять, как это может быть,
ведь я до сих пор не могу представить, как можно
хотеть купить молока на немецком,
в наших городках так не бывает, иначе
мы бы совсем не понимали друг друга.

Поэтому я не думала ни о чем, просто ела по-русски оладьи
с русским смородиновым вареньем, пила по-русски чай,
развешивала выстиранные по-русски простыни и полотенца,
нашла по-русски в последний момент дырку на носке,
поменяла носки, вышла на улицу,
вдохнула и выдохнула, повторяя про себя
«она вдохнула и выдохнула» – по-русски, знакомыми и понятными
словами,

день оказался холодным и теплым, сумеречным и ясным –
какими иногда бывают дни самой ранней весной,
неожиданно, без всякой причины подумала: любовь –
это когда тебе не причиняют боли, когда ты сам
не причиняешь боли, когда уверен,
что завтра тебя будут любить так же, как и вчера.

Я оглянулась назад, посмотрела вперед
и вдруг поняла, что думать такие вещи человек может
только на каком-то неизвестном ему языке.

Прекрасна подборка и *Майи-Марины Шереметевой* в «Интерпоэзии», написанная живым, певучим языком и исполненная шаманских ритмов. Мне бы очень хотелось остановиться на первом стихотворении, которое – сплошная нежность и комок в горле. Это не только своеобразная интерпретация игры в «дочки-матери», где мать и дочь словно бы меняются местами («старенькая стала маленькая»), это о круговороте жизни, где ребёнок, лишённый детства («все пожрали война да Сталин»), перемолотый эпохой колосок, возвращается обратно – и хочется его убаюкать-укачать, укрыть от жестокого мира. Потому и простое слово «люблю» режет по-живому.

МАТЕРИ

Вот заштопаем ветер
вот заживем
по солнечному рублю
вдруг говоришь – люблю
старенькая стала маленькая
вот книжки, вот мишки,
вот попей молока
только не говори, что любишь

В новый садик тебя отведу
там жирафы олени и кенгуру
красные ягодки, яблоки на кабинках алеют
все пожрали война да Сталин
в жернова человечьей пшеницы
мамку твою Пелагею Николаевну
за колоски затолкали
от той-то трухи-тоски
твоя битва-битье, мать-дите
Лидка ты, Лидка Синицына?

Руки девчачьи – уголь тачками
онучи разваливаются на заплачки
Спарта со слабым не нянчится
жилами на живульку тачается...
а старость – такая нелепость,
вдруг слабость, вдруг нежность
ты говоришь – люблю
а я до крови губу – отворачиваюсь
лучше уж матери меня, мать
мне это легче, у меня на это броня
а так – в горле – кречет

Лидка я, Лидка Синицына
повторяешь еще и еще
как мантру впеваешь в память
а я вижу в подполе как в норе
девочку пяти лет в картофельной кожуре
с сумкой холщовой через плечо
избы голодные – твою паперть
кто подаст – а кто вон за порог
Лидка-побирушка помер бог
куколка-соломка ломается в рукаве

Поэзия *Михаэля Шерба*, опубликованная в летнем номере «Интерпоэзии» (номер 2, 2020), ярка и метафорична настолько, что после прочтения во рту остаётся вязущий вкус переспелой хурмы. Эти стихи, будучи глубоко синестетичны, хирургической иглой сшивают молодость и старость, жизнь и смерть.

СТАРОСТЬ

Вот и для нас наступила пора такая:
Смотришь на фотографии сверстников, не узнавая,
Сперва удивляешься – что с ними всеми случилось?
А потом понимаешь: просто настала старость.

И приключилась она не с кем-то, – с нами,
Смерть теперь происходит не с разными чужаками
И не с теми, кто рук не мыл и не чистил зубы,
А с такими как мы и с теми, что были нам любы.

На УЗИ не младенца узришь, а созвездие Рака,
И дыханье срывается влажной строкой Пастернака.
И во рту распрямляется привкус подгнившей хурмы.
По бильярдному бархату катится шарик луны.

Отпусти эту ночь, не пытайся сводить по наитью
То, что луч ухитрялся сшивать хирургической нитью.
Не забудь свою речь, чтоб подольше держать в оболочке
Золотые тире, – пусть они превращаются в точки.

В мартовском номере журнала «Нева» (номер 3, 2020) представлена поэзия *Ольги Андреевой*. Это очень плотные по содержанию стихи, требующие вдумчивого прочтения и культурного бэкграунда. Можно ли смешать воедино Битлз и Лао-цзы, чтобы это выглядело органично? Оказывается, можно. Победа нежного над жестким, появление зелёного ростка из-под жёсткой ореховой скорлупы – это радостная хвала поэзии.

* * *

Больше полусотни октябрей...
О. скажи мне, чем я заслужила
этот сладко плачущий орех
цвета янтаря в горчичных жилах,
этот виноградный хорей,
предвкушенье взмаха под лопаткой.
All my troubles seemed so far away.
Люди, львы, орлы и куропатки
в зарослях его наивняка
разбредутся по звериным тропам,
нас не оторвать от корешка,
мы в себя вернемся автостопом.
Что случилось с небом? Льет и льет,
починил бы кто-нибудь прореху,
отрываясь от корней, жилье
человечье уплывет орехом
грецким — вдоль по вектору лозы,
ведь орех имеет форму мозга,
и опять припомнишь Лао-цзы
о победе нежного над жестким.

В мартовском номере «**Нового журнала**» (номер 298, март 2020) опубликовано совершенно особенное стихотворение *Ольги Ольшванг*, где взгляд словно бы немного смещён в сторону, а предметы видны в расфокусе: это Пенелопа ткёт тело Одиссея, это не Гомер – автор «Одиссеи», а «книга слепая пишет себя и поет».

* * *

Заново распускает и заново ткёт она
его тело петляющее.
Тянутся сутки, ныряет челнок.
Мокрый до нитки вернется ли к ней невредимый,
или сухим из воды
вышел в обратную дверь?
То опускает она горизонт
то поднимет, как море –
нет никого ни с одной, ни с другой стороны.
Заново ткись, расстояние – ткань поперечная в ямах,
между людьми берегов и скитальцем, между тобой и тобой.
Тело в пути, бесконечную букву
можно ли помнить?
Что я от горя плету?
В складки, в обрывки волны прячется серая точка,
заново книга слепая пишет себя и поет.

Стихи *Екатерины Преображенской*, вышедшие в июньском номере «**Нового журнала**» (номер 299, 2020) крайне сюжетны и переполнены сияющей собачьей радостью. Это ликующий гимн существованию, сплошное счастье и полёт, и сердце читателя взлетает вместе с щенком, чьи «поющие ребра радости» виднеются под шкурой.

* * *

Благословен тот, кто дал мне смотреть
На собак, убегающих вдаль к озеру,
На кисточки их хвостов, загнутые вверх, –
Воплощение абсолютной радости

О, длинные волшебный языки,
Ловкие, как у фокусника,
Зачерпнувшие так глубоко.
Их хвосты, реющие в воздухе,
Словно паруса далекого корабля...
О, радость прибытия!
Радость, радость – повсюду
Опрокидывающая всё навзничь,
Радость, уложившая всех на пол, –
Поющие ребра радости,
Спрятанные надежно под шерстью
И выпирающие – у щенка,
Который не знал (он и не видел), как сильно он оттощал,
Взлетая навстречу

Глеб Михалёв, стихи которого представлены в журнале «**Плавучий мост**» (номер 1(25), 2020), строит своё поэтическое высказывание на обыгрывании банальных сентенций, где давно знакомое вдруг оказывается не тем, что мы о нём представляли (кажется серым но становится голубым). Это стихи на грани исчезновения, где самые важные вещи не заканчиваются, но остаются существовать в иной форме.

* * *

кажется серым но становится голубым
кажется – ссорятся
но прислушаешься – поют
разве можно рассказывать почему полюбил?
я например боюсь
тут небеса кончаются но остаётся бог
тут человек кончается но остаётся свет
только начнёшь рассказывать что такое любовь
глядь – а её уже нет

В новом номере «Иерусалимского журнала» (номер 63, 2020) представлена подборка *Вероники Долиной*, чьи стихи – одуванчиво-лёгкие, но отнюдь не легковесные – говорят с нами на языке ужаса и чуда, которыми полна человеческая жизнь. Это стихи об очень простых вещах, но это простота сложности, которая проистекает из глубокого понимания вещей.

* * *

О ужас, о чудо, о ужас-беда,
О ужас и чудо.
Так будто живёт – улетаая туда
И снова оттуда.

Качели нечаянной поздней любви
Летают по свету.
По-тютчевски, по-заболоцки зови
К последнему лету

Такие в жилище стоят холода,
Такие осадки.
О ужас, о чудо, о ужас-беда,
О жизни остатки.

Такие аптечные, что ли, весы.
Там в пору ночную
Я сыплю песок в золотые часы,
Чтоб взвесить вручную.

И вот по корпускуле – ужас-беда –
Беда или чудо.
Живу и живу – улетаая туда
И снова оттуда.

В этом же выпуске можно найти и стихи *Семёна Крайтмана*, который выписывает реальность словно бы хаотичными мазками, но стоит отойти подальше – и увидишь взаимопроникающую связь вещей. Хотелось бы отметить ещё и прекрасную музыкальность поэзии Крайтмана, её особую, с первых же строк узнаваемую интонацию. У читающего эти стихи не возникает ни малейшего сомнения, можно ли писать стихи после Освенцима. Нужно. Только этим и спасёмся.

* * *

ты пиши, писатель,
пиши ещё,
благо ко двору.

Размахнись, рука, раззудись, плечо,
размечи икру.
иль померимся памятью, у кого,
у кого длинней?
что ты знаешь, голуба, да ничего,
ничего о ней.
дядька – в Киеве,
в Мюнхене – бузина,
самолётный след.
а сжигала детей моих не чума,
их сжигал сосед.
и не всем же миром стояли у...
у печи, в печи.
и не все проклинали судьбу-чуму.
ты пиши, строчи.
а про память – не к месту.
она со мной, и она одна.
и не будем путать, мой дорогой.
и вообще – весна.

Тексты *Ганны Шевченко*, опубликованные в «**Новой Юности**» (номер 1 (154) 2020), реалистичны, переполнены деталями быта и в то же время парадоксальны: в какой-то момент внутри что-то щёлкает – и нелепая жизненная ситуация озаряется иным светом, превращаясь в поэзию.

* * *

Был лес похож на творчество Шагала,
вдали визжала электропила,
я вдоль акаций медленно шагала
и воду минеральную пила.
Земля и небо сделались контрастны,
я не забуду этого вовек –
нечесанный, суровый, сине-красный,
мне перекрыл дорогу человек.
Он вышел из кустов неторопливо
и встал, неотвратимей, чем скала,
развязано сказал: отдайте пиво!
И я ему бутылку отдала.
И он ушел сквозь дикие растения
в шиповник, как в распахнутую дверь,
спиной сливаясь с собственной тенью,
туда, где обретается теперь.

Также хотелось бы остановиться на двух коротких стихотворениях *Алины Витухновской*, вышедших в журнале «**Урал**»

(номер 4, 2020), чья глубокая афористичность, игра слов («мышеловкость») и противостояние света и тьмы создают уникальный поэтический импульс.

МЫШЕЛОВКА

Влез в игольное ушко,
А там – ловушка.
Так в темноте, опровергая бодрую мышеловкость,
Грядущим хрустнула мышеловка.

ТЬМА

Тьма разгрызает, как гильотина,
То, что иллюзия человека.
Мгла нелегальна, но легитимна.
Мгла всегда легитимней света.

Кроме журналов, существующих в печатном виде, стоит также упомянуть и электронные ресурсы, которые оказывают большое влияние на современную поэтическую жизнь. Новый журнал **«Формаслов»**, главными редакторами которого являются *Анна Маркина* и *Евгения Джен Баранова*, позиционируется как «литературный журнал нового поколения». «Формаслов» отличается интерактивностью, богатством материалов и разнообразием рубрик, таких как #новое в поэзии, #новое в прозе, #новое в детской литературе, #новое в видеотеке, #светская жизнь, #ликбез, где стихотворения опубликованных поэтов сопровождаются экспертным комментарием. Также у журнала есть собственный youtube-канал, где можно посмотреть красивые видео стихов.

Напоследок хотелось бы упомянуть телеграмм-канал **«Метажурнал»**, первоначально созданный *Евгением Никитиным* для рецензий на стихотворения, номинированные на премию «Поэт года», а после разросшийся до самостоятельного ресурса. Каждый день на канале публикуется современная поэзия, критика и переводы иностранных поэтов.

На этом заканчиваю обзор и надеюсь, что наступающее лето не только подарит нам окончания карантина, но и принесёт новые поэтические открытия!